
IV ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

День быль праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ иѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ спаринной залѣ на-
крывали длинный столъ. Гости съѣз-
жались съ женами и дочерьми, наконецъ
освобожденными отъ запворничества
домашняго указами Государя и собст-
веннымъ Его примѣромъ. Нашалья
Гавrilovна поднесла каждому гостю
серебряный подносъ, уставленный зо-
лопытии чарочками, и каждый вышилъ
свою, жалѣя, что поцѣмуй, получаемый

вспарину при шакомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія ; пошли за споль. На первомъ мѣстѣ , подлѣ хозяина , сѣль песять его Князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, *Зо-ши лѣпній Бояринъ* ; прочіе гости , наблюдая спаршинство рода , и шѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества , сѣли — мужчины по одной сторонѣ , женщины по другой ; — на концѣ заняли свои привычныя мѣста : барская барыня , въ спаринномъ шушунѣ и кичкѣ ; карлица , *Зо-ши лѣпнія малюшка* , чопорная и сморщенная , и плѣнній шанцмейстеръ , въ синемъ поношеномъ мундирѣ . Сполъ , уставленный множествомъ блюдъ , былъ окруженъ суевливой и многочисленной челядью , между которой отличался дворецкой строгимъ взоромъ , толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью . — Первые минуты обѣда посвящены были единственно на вни-

маніе къ произведеніямъ спаринной нашей кухни, звонъ шарслокъ и дѣя-
щельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ,
видя, что время занять госпей прі-
ятною бесѣдою, оборопился и спро-
силъ: а «гдѣ-же Екимовна? Позвать ее
сюда.» Нѣсколько слугъ бросились было
въ разныя стороны, но въ ту же
минуту спарадая женщина, набѣленая
и нарумяненая, убранная цвѣтами и
мишурою, въ штофномъ робронѣ,
съ открытою шеей и грудью, вошла
принѣвая и подплясывая. Ея появленіе
произвело общее удовольствіе.

— « Здравствуй, Екимовна, » сказалъ К. Лыковъ, « каково поживаешь? »

— « По добру по здорову, кумъ:
поючи да пляшучи, женишковъ под-
жидаючи.

— « Гдѣ ты была, дура? » спросилъ
хозяинъ.

— « Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру. »

При сихъ словахъ поднялся громкой хохотъ, и дура спала на свое мѣсто, за спуломъ хозяина.

— « А дура-шо вресть, вресть, да и правду совресть, » сказала Ташьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. « Подлинно нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, баптишки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, шакъ про женское прерпье толковать, конечно, нечего: а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и ловойника. Вѣдь посмотрѣть на нынѣшихъ красавицъ, и смѣхъ и жалость: волоски то взбиты, чпо войлокъ, насалены, засыпаны французской му-

кою, живописъ перепялупъ такъ, что еле не перервешся, исподницы напялены на обручи: въ колымагу садяшся бочкомъ; въ двери входяшъ — нагибаюшся. Ни спашь, ни сѣспль, ни духъ перевести — сущія мученицы, мои голубушки.

— « Охъ, машушка Татьяна Аѳанасьевна, » сказалъ Кирила Пешровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ Зооо душъ и молодую жену, шо и другое съ грѣхомъ пополамъ. « По мнѣ жена какъ хочешь одѣтайся: хоть кушафье, хоть болды-ханомъ; только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя плашья, а прежнія бросала новѣшенькія. Бывало внучкѣ въ приданое доспавался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе робронды — поглядишь — сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Чѣмъ дѣлашь? разореніе рускому дворянству! бѣда, да

и ишлько. » При сихъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы спаринѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— « А кто виноватъ, » сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей. « Не мы ли сами? Молоденькия бабы дурачатся; а мы имъ пошакаемъ.

— « А что намъ дѣлать, коли не наша воля? » возразилъ Кирила Петровичъ. « Иной бы радъ былъ запереть жену въ шеремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за пленку, а жена за наряды.— Охъ ужъ эти ассамблеи! наказаль насы ими Господь за прегрѣшенія наши. »

Марья Ильинична сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у нея шакъ и свербѣль; наконецъ она не вытерпѣла, и обращаясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, что находишь онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

« А то въ нихъ дурно, » отвѣчалъ разгоряченный супругъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ завелись, мужья не сладялись съ женами. Жены позабыли слово Апостольское: *жена да убоится своего мужа.* Хлопочутъ не о хозяйиствѣ, а обѣ обновахъ; не думають, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянувшись офицерамъ вершопрахамъ. Да илично ли, сударыня, руской боярынѣ или боярышнѣ находишься вмѣстѣ съ Нѣмцами - шабачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще

съ родственниками, а что съ чужими,
съ незнакомыми.

— « Сказалъ бы словечко, да волкъ
не далечко, » сказалъ, нахмурясь,
Гаврила Аѳанасьевичъ; « а признаюсь—
ассамблеи и мнѣ не по нраву: шого
и гляди, что на пьяного напоюлкнешься,
аль и самаго на смѣхъ пьянымъ на-
пояшъ. Того и гляди, чтобъ какой-
нибудь повѣса не напроказиль чего
съ дочерью; а нынче молодежь такъ
избаловалась, что ни на что не
похоже. Вопль, напримѣръ, сынъ по-
койнаго Евграфа Сергеевича К.
на прошедшей ассамблѣѣ, надѣ-
лалъ такого шуму съ Нашашей, что
привель меня въ краску. — На другой
день, гляжу, капяппъ ко мнѣ прямо на
дворъ; я думаль, кого-то Богъ несетъ,
ужь не Князя-ли Александра Данило-
вича? Не птупль-то было: Ивана Евgra-
фовича! небось, не могъ остановишъся

у воротъ, да поптрудинься пѣшкомъ дойти до крыльца — куды! влещель! разшаркался! разболтался!.... чпо и боже упаси. Дура Екимовна уморицельно его передразниваетъ; кспати: представь, дура, заморскую обезьяну.»

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляясь, шаркашь и кланяясь во все стороны, приговаривая: « мусье . . . мамзель.... ассамблея . . . пардонъ. » — Общий и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— « Ни дашь, ни взяппь — К., » сказалъ старый князь Лыковъ, опирая слезы смѣха, когда спокойствіе мало по малу восстановилось. « А что грѣха таинть? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣмеччины на святую Русь скоморохомъ.

Чему шамъ научаюся наши дѣти? Шаркашъ, болташъ, Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почишашь спаршихъ, да волочишься за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспишанныхъ въ чужихъ краяхъ, (проспи Господи), Царской Арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походиши.

— «Ахши! башюшка князъ, » сказала Татьяна Аѳанасьевна: «видѣла, видѣла его близехонько: какая жь у него страшная морда! перепугаль онъ меня, грѣшную!

— «Конечно, » замѣшилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, «человѣкъ онъ спесенный и порядочный, не чепа вѣтрогону.... Эшо кто еще выѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опяшь ли обезьяна заморская? Вы что зѣваеше, скоты?» продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: «бѣгише, опказашь ему; да чтобъ и впредь....

— « Старая борода, не бредиши лі? »
перервала дура Екимовна. « Али ты
слѣпъ : сани-то Государевы , Царь
пріѣхалъ. »

Гаврила Аѳанасьевичъ вспалъ по-
спѣшно изъ-за спола ; вѣ бросились
къ окнамъ ; и въ самомъ дѣлѣ увидѣли
Государя, который всходилъ на крыль-
цо, опираясь на плечо своего день-
щика. Сдѣлалась сумашоха. Хозяинъ
бросился навстрѣчу Петру ; слуги раз-
бѣгались, какъ одурѣлые, госпти пере-
шрусились, иные даже думали, какъ бы
убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ
передней раздался громозвучный голосъ
Петра , все утихло и Царь вошелъ,
въ сопровожденіи хозяина , ошоропѣ-
лаго отъ радости. « Здорово, господа, »
сказалъ Петръ съ веселымъ лицемъ.
Вѣ низко поклонились. Быстро взоры
Царя отыскали въ шолѣ молодую
хозяйскую дочь ; Онъ подозвалъ ее.

Нашалья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ опъ часу хорошѣешь,» сказалъ ей Государь и по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; попомъ обращаясь къ госпамъ, — «Что же? Я вамъ помѣшаль. Вы обѣдали; прошу садишься опять, а Миѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхванилъ изъ рукъ у него подносы, самъ наполнилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вшорично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которая не смѣли оставаться за споломъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствиемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ

щей. Государевъ денъщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костию, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Пётръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кроме Своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ пишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ъѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-немецки разговаривалъ съ пленнымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аѳанасьевичъ!» сказалъ Онъ хо-

зяину: «Мнѣ нужно съ тобою погово-
ришь на единѣ, » и взявъ его подъ
руку, увелъ въ гостиную и заперъ за
Собою дверь. Гости ошались въ
споловой, шопотомъ шокуя обѣ эпомъ
неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь
быть нескромными, вскорѣ разъѣха-
лись одинъ за другимъ, не поблагода-
ривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

